

Н. Н. Смирнов

Новый сюжет в истории культуры русского зарубежья

**Рецензия на книгу: Толстой М. Протяжная песня.
СПб.: Журнал «Звезда», 2025. 608 с. + вкл. (72 с.)**

Издательство «Журнал “Звезда”» выпустило в свет книгу Михаила Никитича Толстого «Протяжная песня» (ISBN 978-5-7439-0290-3), удачно вписавшуюся в строй биографических исследований, хорошо знакомых читающей публике по популярнейшей когда-то серии «Жизнь замечательных людей», образчики которой сегодня можно встретить разве что в букинистических лавках.

Автор исследования — доктор физико-математических наук, казалось бы, весьма далекий от исторических штудий, хорошо знаком научному коллективу Санкт-Петербургского института истории РАН. Здесь Михаил Никитич представил на заседаниях научного семинара серию докладов, посвященных главному герою книги — Василию Федоровичу Кибальчичу, выдающемуся хормейстеру, ставшему знаменитым в США в 1920–1930-х гг., после создания уникального Русского симфонического хора.

Год за годом М. Н. Толстой тщательно собирал документы и материалы, характеризующие жизнь и деятельность одного из ярких представителей культуры Русского зарубежья. В архивохранилищах и библиотеках России, Великобритании, Франции, США, Швейцарии, Сербии, Чехии, ряда других стран исследователь находил все новые свидетельства необычной судьбы человека, который «не эмигрировав, но превратившись в эмигранта <...> сумел стать заметной, хотя и загадочной фигурой русского музыкального зарубежья» (с. 6).

«Многие годы, — отмечает автор, — все, что известно о нем, было записано лишь с его слов. Его подлинная жизнь, интересная сама по себе, оказалась интересна и для исследователя» (с. 6).

Список архивных фондов, изученных автором при написании книги, впечатляет. Более двадцати архивохранилищ, четырнадцать национальных библиотек щедро делились своими коллекциями с необычным исследователем, далеким от гуманитарных изысканий (см. с. 8). Впервые вводимые в научный оборот, эти документы и материалы позволяют узнать много нового не только о жизни и деятельности В. Ф. Кибальчича, но и о ряде выдающихся деятелей культуры Серебряного века, волей обстоятельств оказавшихся вдали от своей Родины. Представленный в книге именной указатель насчитывает более девяти сотен имен (см. с. 587–605). Издатели и драматурги, звукорежиссеры и музыковеды, художники и актеры, композиторы и антрепренеры, журналисты и меценаты, государственные деятели и дипломаты, представители других интеллигентских и не только профессий придают повествованию не только фактуру исторической достоверности, но и привносят ауру некоей таинственности, недосказанности.

Достойна уважения и предваряющая основной текст книги ремарка: «Предлагаемая читателю книга, с одной стороны, относится к разряду исторической, с другой — популярной. Автор ее — не профессиональный историк и не мог претендовать на рафинированный научный стиль изложения, поэтому старался писать попроще, ближе к стилистике популярной литературы. В то же время, хотя врать в исторической литературе с каждым годом становится все похвальнее, автор стремился всякое свое утверждение подкреплять документальным источником, что делает текст убедительнее, но скучнее» (с. 7).

Согласимся, книга междисциплинарна по своему содержанию. Классическая история переплетается в ней с филологией, историей искусств, даже отчасти с политологией. Фактор этот скорее привлечет любознательного читателя, несомненно расширит его кругозор. Изложенный блестящим литературным языком материал побуждает вспомнить о «великом и могучем» русском языке.

Художественное оформление книги также обращает на себя внимание. Нотный лист и луковки церковных куполов органически связаны с силуэтом возвращающегося корабля. Форзац оформлен в виде абриса земных континентов с пересекающей их линией перемещений главного героя повествования из России в Европу, а затем в США. Символично оформлен и титульный лист книги. Игра шрифтов здесь представляется вполне уместной.

Структура книги не вписывается в традиционные рамки. Отсутствует деление на главы и разделы, нет параграфов. Вместо них — двадцать девять самостоятельных сюжетов, хронологически и порой тематически связанных между собой. В основной части книги, заключенной в 200 страниц, присутствуют короткие введение (7 страниц) и послесловие (менее 4 страниц).

Большую часть объема книги (с. 205–586) занимает шестнадцать приложений, лишь отчасти связанных с основным сюжетом книги. Каждое из них, тем не менее, логично вписывается в контекст исследования истории Зарубежной России в ее прошлом и настоящем.

Интригуя читателя, автор обещает наличие детективных элементов в своем исследовании. Действительно, некоторые страницы жизни главного героя книги потребовали тщательного расследования.

К примеру, чего стоит «новая биография» В. Ф. Кибальчича, изложенная им в процессе судебной переписки в жалобе на всемирно известную голливудскую студию MGM¹. М. Н. Толстой замечает: «Важной особенностью всего документа служит то, что слова Кибальчича произнесены под присягой, т. е. он клянется, что биографические сведения, которые он сообщает, соответствуют действительности» (с. 147). Суровая действительность, однако, ставит под сомнение сообщенные в «новой биографии» сведения и об учителях, и о профессиональной деятельности жалобщика. В оправдание своего героя автор книги предположил, что «в Америке вряд ли кто-либо проверял правдоподобные мелочи, содержащиеся в рассказах Кибальчича о себе. С другой стороны, мы считаем, что те действия, которые Кибальчич себе приписывает, в принципе существовали, но могли случиться в другое время, в других обстоятельствах, с другими людьми и по другим причинам, т. е. как бы номинально были реальными, но к Кибальчичу отношения не имели» (с. 148–149).

Увлекательную историю автор изложил в первом сюжете книги, озаглавленном «Бронзовый бюст» (с. 12–18). Десятки лет в Музее русской культуры Русского центра в Сан-Франциско «был выставлен бюст человека в пенсне, названный, согласно этикетке, “Проф. В. Ф. Кибальчич”. На левом плече бюста отчетливо выдавлена надпись “S. Konenkov”» (с. 14). Все были убеждены, что бюст вылит из бронзы. И лишь в 2013 г. сотрудники музея «с удивлением обнаружили, что бюст Кибальчича не бронзовый, а лишь покрашен бронзовой краской, со следами патины, проступившей от возраста». Пустотелый, выполненный из твердого темного пластика и т. д. и т. п., бюст этот, тем не менее, не был удален из экспозиции, поскольку автором его являлся великий скульптор Сергей Тимофеевич Коненков, что позднее, в результате долгих разысканий было подтверждено в заключении Мемориального музея-мастерской С. Т. Коненкова в Москве (с. 16–18).

Сюжетом с бронзовым бюстом М. Н. Толстой как бы очертил иллюзорность поверхностного представления о главном герое книги, внешняя лакировка которого далеко не всегда отражала истинность внутреннего содержания.

Много нового представлено в сюжетах книги, посвященных Архиву Кибальчича в Музее русской культуры Русского центра в Сан-Франциско (с. 18–20), его участию в революционном движении². В каждом из этих сюжетов содержится значительное количество архивных документов из фондов ЦГИА СПб и ГА РФ, впервые вводимых в научный оборот.

С 1909 г. в судьбе В. Ф. Кибальчича открывается новая страница, связанная с его жизнью и деятельностью за пределами России. Она нашла отражение в разделах книги, посвященных его пребыванию в Женеве, скитаниям по Европе, переезду в Америку (с. 59–198).

Весьма интересны сведения, приводимые М. Н. Толстым, относящиеся как к личной жизни В. Ф. Кибальчича, так и к слежке за ним со стороны карательных органов Российской империи. В частности, сюжет «В Женеву» подробно повествует о той роли, которую в судьбе Кибальчича сыграл его учитель А. А. Архангельский, заботами которого недоучившемуся ученику в 1912 г. разрешили претендовать на должность второго псаломщика в одной из лучших заграничных церквей в Европе — в Женевской Миссийской церкви с огромным жалованьем в 1500 руб. золотом (с. 60). В то же время, повествуя о дальнейшей судьбе Кибальчича, автор замечает: «...полиция России через своих зарубежных агентов продолжала следить за революционерами, высланными за границу, и эти рапорты посылались в Москву и Петербург. В делах Особого отдела полиции, хранящихся в ГА РФ, есть переписка с заграничной агентурой, касающаяся наших героев» (с. 64–66, 71–75)³. Читатель, несомненно, с большим интересом познакомится с образчиками подобных донесений, приводимыми в книге.

Особого внимания заслуживает «пражский эпизод» жизни и творчества В. Ф. Кибальчича, связанный не только с фактом его краткого пребывания в этом городе, но и с раскрытием непростой истории взаимоотношений ученика и учителя (В. Ф. Кибальчича и А. А. Архангельского) (с. 88–99). Характеризуя эти отношения, М. Н. Толстой констатирует: «...в общественном положении учитель и ученик поменялись ролями: ученик — известный хормейстер с концертным коллективом и должностью регента в кафедральном соборе св. Александра Невского (в Париже. — Н. С.), а учитель — дирижер с неопытным хором, практически без средств существования» (с. 98). В известной степени, согласимся с автором книги, «приезд Архангельского в Прагу создавал ситуацию “два медведя в одной берлоге”. <...> Если сравнивать воспоминания о дирижировании Архангельского и отзывы о Кибальчиче как дирижере в дни его наибольшей славы в Америке, то мы не видим никакой разницы — словно пишут об одном и том же человеке» (с. 102).

Бегство В. Ф. Кибальчича из Европы в Америку в значительной степени связана с тем, что вся его предыдущая артистическая биография исключала второстепенное положение в окружающем мире. Он был уверен в своем таланте, честолюбив, желал превзойти своего учителя, популярность которого в начале 1920-х гг. в Европе стремительно нарастала.

Расчет оказался верным: материальный успех и слава в далекой стране были ему обеспечены. М. Н. Толстой приводит замечательную цитату из публикации в *Boston Evening Transcript* от 10 января 1925 г.: «Кибальчич в своем хоре, состоящем из одиннадцати мужчин и одиннадцати женщин и названном им симфоническим, <...> гениально мастерски подразделил обычные хоровые голоса до-

полнительно на тембры и тоны так, что в результате может играть на широкой клавиатуре из двадцати двух регистров. <...> Понятно, что Кибальчич пригласил для своего хора русских, живущих в Америке, и его безошибочный выбор подтвердил их идентичность» (с. 103–104).

Автор книги прав, констатируя, что именно в Америке его герой «наконец достиг того, к чему стремился последние 10 лет — возглавить музыкальный коллектив, оркестр или хор, давать концерты с гарантированным успехом, получать бурные аплодисменты и вызовы на бис, читать о себе восхищенные рецензии» (с. 104).

Американская история жизни В. Ф. Кибальчича занимает значительную часть авторского повествования (с. 107–198). Приехав в Америку 10 января 1924 г., он прожил здесь долгую и не всегда благополучную жизнь до своей смерти 25 июня 1981 г. Было все — блестящие хоровые концерты, гастрольные поездки, преподавательская деятельность, заслуженные награды, попытки театральной артистической и политической деятельности, разного рода личные сложности. Заинтересованный читатель может самостоятельно подробно ознакомиться с американскими перипетиями повседневной жизни В. Ф. Кибальчича, замечательно изложенными автором рецензируемой книги.

Однако заметим, что уже со второй половины 1930-х гг. газеты все чаще писали не о пике популярности и успеха Русского симфонического хора и его руководителя, а об усталости от них.

2 января 1938 г. газета *The Baltimore Sun* писала: «Русский симфонический хор под руководством Василия Кибальчича дал концерт, который был похож на любую другую дюжину концертов любой другой дюжины российских певческих организаций». Исполнительская техника хороша, но музыка начинала немного утомлять (с. 183). С этого времени имя Кибальчича практически исчезает со страниц американских газет.

А как же «протяжная песня»? М. Н. Толстой отмечает, что судьбе было угодно, чтобы имя Кибальчича в памяти американской публики оставалось связанным со звуками «Песни волжских бурлаков» — протяжной песни, затихающей вдали (с. 197–198).

Завершая повествование о своем герое, автор пишет: «Кибальчич не сумел создать в Америке новую семью. У него не было собственного дома. Первые годы он жил в гостинице, потом снимал жилье, потом жил в чужом доме, последние годы — в доме призрения. Причина этого, по существу, одна. Всю жизнь его гнало с места на место неутолимое желание принимать этот наркотик артиста — восторг публики и гром аплодисментов. В конце концов, аплодисменты смолкают. Дальше — тишина» (с. 202).

Менее двухсот страниц книги «Протяжная песня», напомним еще раз, включают в себя массу оригинальных источников, извлеченных из многочисленных архивохранилищ, периодическую печать, дневники и воспоминания соратников В. Ф. Кибальчича. Поражает иллюстративный ряд книги, разместившийся более чем на 70 страницах вкладок. Они знакомят читателя книги со скульптурным

портретом В.Ф. Кибальчича работы С.Т. Коненкова, обложкой Программы юбилейного концерта В.Ф. Кибальчича в Карнеги-Холл (Нью-Йорк) 27 декабря 1937 г., письмом А.А. Архангельского к В.Ф. Кибальчичу в дом предварительного заключения в Санкт-Петербурге от 11 марта 1908 г., многочисленными фотографиями друзей и близких В.Ф. Кибальчича, автографами известных деятелей культуры и искусства, записями в метрических книгах, афишами концертов и спектаклей, другими иллюстративными раритетами, позволяющими «оживить» читаемые страницы книги. Бóльшая часть представленного иллюстративного материала также впервые вводится в оборот.

Из общего контекста книги, казалось бы, выпадает помещенное в ней Приложение I «Первый конгресс соотечественников» (с. 205–229). Его публикация переносит читателя к трагическим событиям 19 августа 1991 г., связанным с попытками старой партийной номенклатуры совершить государственный переворот (как не вспомнить тут бесконечно повторяемый по всем каналам советского телевидения «Танец маленьких лебедей»). Однако автор книги напоминает, что в этот же день состоялось открытие в Москве Первого всемирного конгресса соотечественников, «положившего начало свободного периода изучения и осмысления явления русской эмиграции — современного российского эмигрантоведения» (с. 7). Напомним, что в те дни М. Н. Толстой являлся председателем исполкома этого Конгресса.

Автор прав, отмечая, что «наслоение двух событий (путча и Конгресса. — Н. С.) привело к тому, что о самом Конгрессе как о самостоятельном явлении написано незаслуженно мало» (с. 205).

Напомним, что в 1991 г. М. Н. Толстой являлся депутатом Верховного Совета Российской Федерации, имел непосредственное отношение к разработке и утверждению Декларации независимости России, принятой Съездом народных депутатов РФ 12 июня 1991 г., возглавлял Подкомитет по культурным и научным связям Верховного Совета РФ, задачей которого стала разработка новых принципов взаимоотношений с русской эмиграцией, а целью — созыв съезда эмигрантов разных поколений «для демонстрации им новых возможностей в новой России» (с. 206).

Заинтересованного читателя, несомненно, привлекут воспоминания автора, связанные с подготовительными работами по налаживанию связей с представителями русской эмиграции, решением теоретических и терминологических проблем определения эмиграции как таковой, разработкой повестки дня предстоящей встречи и ее программных документов. М. Н. Толстой напоминает, что до сих пор законодательно не решена проблема того, кого можно считать «соотечественниками»: «Если у эмигранта есть иностранный паспорт, то мы вмешиваемся во внутренние дела другого государства. Если есть советский паспорт, то к чему дополнительное наименование? Если он лишен гражданства в наказание за нелояльность, то мы выступаем против решения своего правительства. А если он сам себя соотечественником не считает, то зачем мы к нему

пристаем?» (с. 207). Согласимся — проблемы не из простых. Однако не без известных сложностей все они были разрешены.

Несомненный интерес читателя вызовет анализ взаимоотношений депутатского корпуса с партийно-государственной номенклатурой, общественными организациями и объединениями начала 1990-х гг. (с. 208–214). В Приложении названы десятки имен тех, кто в той или иной степени был причастен к подготовке Конгресса соотечественников, его проведению и принятию Программы дальнейшей деятельности (с. 215–226). Подводя итог проделанной работе, М. Н. Толстой пишет: «Такой атмосферы общности России с эмиграцией никогда больше не возникало» (с. 228).

Первый Конгресс соотечественников положил начало проведению серии международных конференций, посвященных истории русской эмиграции. Автор особо выделяет три одноименные — «Культурное наследие русской эмиграции», «Нансеновские чтения» и «Слепухинские чтения», проводимые в Санкт-Петербурге, одном из важнейших центров изучения истории Русского Зарубежья (с. 229).

Вероятно, само Приложение следовало разместить в завершающей части книги уже хотя бы потому, что остальные пятнадцать Приложений логично вписываются в текст книги «Протяжная песня» и предоставляют читателю дополнительную к ней информацию. Наше внимание привлекли Приложение VIII «Письмо в Лигу наций» (с. 446–448), Приложение XIII «Репертуар и хористы Русского симфонического оркестра» (с. 498–526), Приложение XV «Дискография Кибальчича» (с. 550–564).

Завершая обзор, отметим бесспорные логические качества книги: достоверность и конкретность изложения, обоснованность выводов и рекомендаций, базирующихся на использовании широкого круга источников и литературы. Несомненно, книга является результатом многолетних исследований проблемы, нашедших освещение в ряде сопутствующих публикаций автора, упомянутых на страницах книги.

Содержащиеся в книге материалы могут быть использованы в учебном процессе, лекционной деятельности, при написании трудов по истории как отечественной культуры, так и культуры Русского Зарубежья.

Книга М. Н. Толстого «Протяжная песня» будет полезна как специалистам, исследующим аналогичную проблематику, так и всем читателям, интересующимся историей отечественной и зарубежной культуры.

¹ Суть дела изложена в сюжетах «Кибальчич против Голливуда» и «Новая автобиография» (с. 142–149). Некоторые подробности включены автором книги в Приложение XI «Судебная тяжба Кибальчича против компании MGM» (с. 473–481).

² См. сюжеты «Кровавое воскресенье» (с. 22–26), «27 марта 1905 года» (с. 26–36) и др.

³ Часть впервые вводимых в научный оборот охранных документов размещены автором в Приложениях II и III (с. 230–276).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Н. Н. Смирнов. Новый сюжет в истории культуры русского зарубежья. Рецензия на книгу: Толстой М. Протяжная песня. СПб.: Журнал «Звезда», 2025. 608 с. + вкл. (72 с.) // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 281–288

Аннотация: Рецензируемая книга является документальным исследованием биографии выдающегося деятеля отечественной и зарубежной культуры, хормейстера Василия Федоровича Кибальчича, ученика знаменитого композитора и хорового дирижера А. А. Архангельского, коллеги И. Ф. Стравинского и С. П. Дягилева. На основании изучения широкого круга архивных и опубликованных источников, периодической печати, дневников и воспоминаний современников автор прослеживает жизненный путь своего героя, родившегося и получившего образование в России, участника революционного движения, широко известного в Европе и США как пропагандист русской музыки, основатель и руководитель знаменитого Русского симфонического хора, прославившегося в Америке 1920–1930-х гг., заметной фигуры русского музыкального зарубежья.

Ключевые слова: Россия, Европа, США, деятели русской культуры, русская эмиграция, хоровое и музыкальное искусство, соотечественники, политические и государственные деятели.

FOR CITATION

N. N. Smirnov. A New Plot in the History of the Culture of the Russian Diaspora. Book Review: Tolstoy M. Lingering Song. St. Petersburg: Zvezda Journal, 2025. 608 p. + incl. (72 p.) // Petersburg Historical Journal, no 3, 2025, pp. 281–288

Abstract: The book under review is a documentary investigation of the biography of an outstanding figure of Russian and foreign culture, choirmaster Vasily Fedorovich Kibalchich, a student of the famous composer and choral conductor A. A. Arkhangelsky, a colleague of I. F. Stravinsky and S. P. Diaghilev. Based on the study of a wide range of archival and published sources, periodicals, diaries and memoirs of contemporaries, the author traces the life path of his hero, who was born and educated in Russia, a participant in the revolutionary movement, widely known in Europe and the United States as a propagandist of Russian music, the founder and leader of the famous Russian Symphony Choir, which became famous in America in the 1920s and 1930s as a notable figure of the Russian musical diaspora.

Key words: Russia, Europe, USA, figures of Russian culture, Russian emigration, choral and musical art, compatriots, political and state figures.

Автор: **Смирнов, Николай Николаевич** — д. и. н., проф., заведующий отделом истории революций и общественного движения России Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Smirnov, Nikolay Nikolaevich** — Dr. of Sci. in History, Professor, Head of the Department of the History of Revolutions and Social Movement of Russia, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: nik_smirn@mail.ru